

М. А. БАКУНИН

Из письма родным

*22 октября (3 ноября) 1841.
Берлин*

<...> Я познакомился в Дрездене с доктором Руге, издателем *Deutsche* (прежде они назывались *Hallische*) *Jahrbücher*¹. Он — интересный, замечательный человек, замечателен более как журналист, как человек необыкновенно твердой воли и ясностью своего рассудка, чем спекулятивною способностью. Он без всякого исключения враждебно относится ко всему, что имеет хоть малейший вид мистического. Разумеется, что вследствие этого он впадает в большие односторонности во всем, что касается религии, искусства и философии. Но во многих других отношениях эта односторонность и абстрактное направление его приносят немцам большую пользу, вырывая их из гнилой, золотой и неподвижной середины, в которой они так давно покоятся. 27 октября (по-нашему 15-го) я выехал рано поутру из Дрездена по железной дороге и в тот же день по железной же дороге прибыл в Halle и там познакомился с профессором Шаллером, с тем, который написал против Штрауса «*den historischen Christus*»². Шаллер не вполне удовлетворил меня. Правда, что из двухчасового разговора человека нельзя вполне узнать, но мне не понравилась в нем какая-то бесхарактерная определенность, которая проглядывает через все существо его.

На другой день я приехал в Берлин и на другой же день моего приезда: 1-е, был у Вердера, который встретил меня с открытыми объятиями, говоря, что ему давно было нужно видаться со мною для того, чтобы освежиться в моей *Rücksichtslosigkeit*³. Я был тронут его встречей. Мы с ним провели часа три; усло-

вились в наших уроках. Через две недели я буду брать у него по два урока в неделю: один раз буду заниматься с ним логикой, а другой раз читать с ним Фихте и Шеллинга. Я от него много-много ожидаю. Его логика (напечатанная до *Quantität*⁴⁾ — глубокая вещь: она воскресила систему Гегеля, которая в старых представителях своих, как философия, чуть было не заснула на своих лаврах; а в новых представителях пустилась в аферы, т. е. критику, а критика по натуре своей уж необходимо противоречит свободному и глубокому спекулятивному мышлению. Вердер теперь весь в заботах — через недель пять здесь дают его «Колумба»⁵, о котором вы, верно, уж много слышали от Тургенева.

2-е, был в университете и записался на лекции. В этот год я буду слушать: а. Логiku у Вердера; *Philosoph<ie> der Offenbarung*⁶ — у Шеллинга, «*Geschichte der neuesten Zeiten*»⁷ у Ранке и кроме этого буду заниматься политической экономией и латинским языком. Работы много, как вы видите, но она не пугает меня: я теперь привык много работать, и предметы-то (кроме латинского языка) все такие интересные.

3-е, отправился к Шеллингу, для того чтобы взять у него номер, кланялся ему от Елагиной⁸, с которой он виделся в Карлсбаде. Говорил с ним о моих занятиях, о том, что он будет читать, — все это в продолжение получаса. Он пригласил меня приходить к нему, и я постараюсь поближе познакомиться с ним. Он почти совсем не похож на свой портрет — маленького роста, но глаза у него чудесные. <...>

Вы не можете вообразить себе, с каким нетерпением я жду лекций Шеллинга. В продолжение лета я много читал его и нашел в нем такую неизмеримую глубину жизни, творческого мышления, что уверен, что он и теперь откроет нам много глубокого. Четверг, т. е. завтра, он начинает. Через несколько времени напишу вам об нем. <...>

